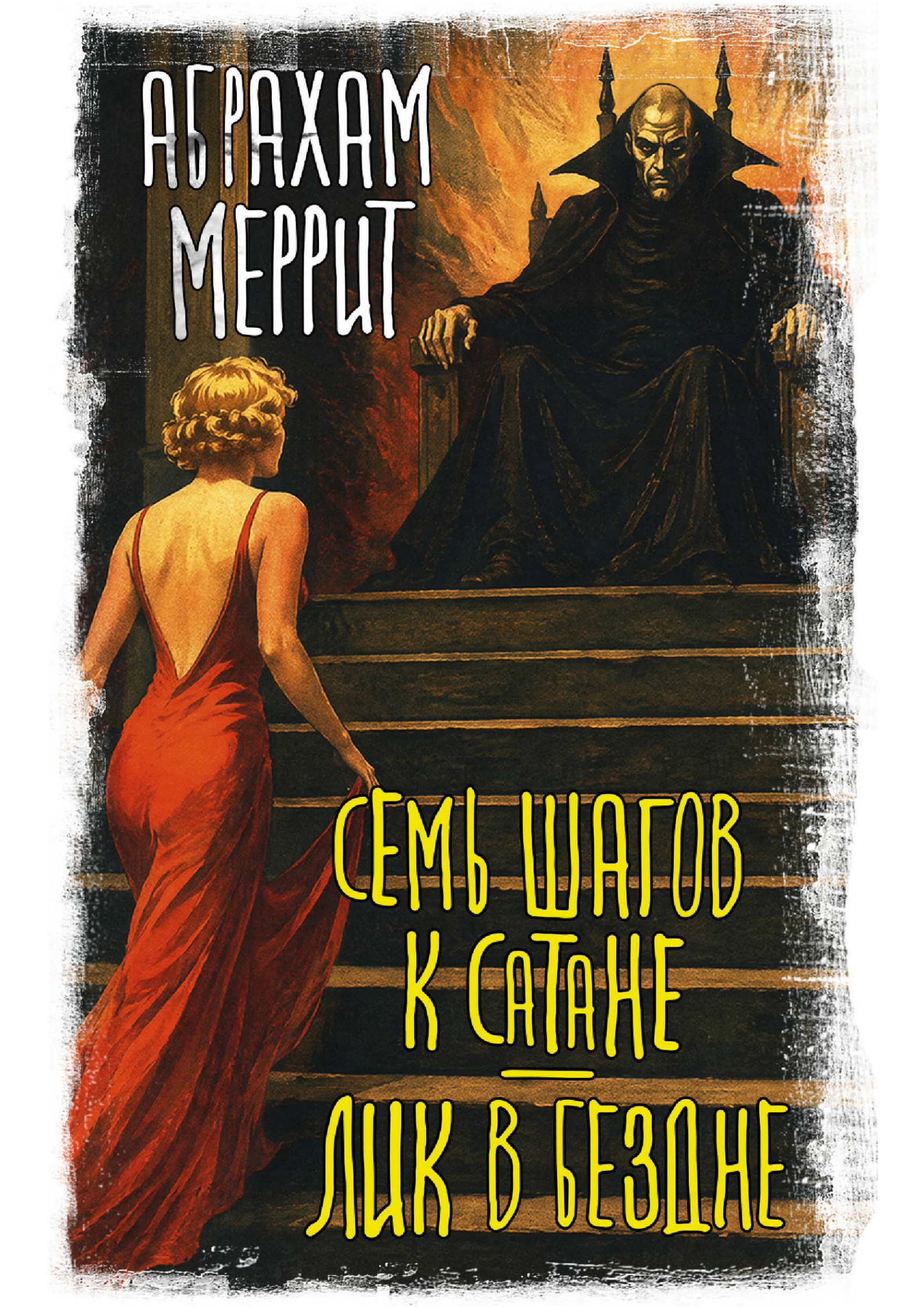

АБРАХАМ
МЕРРИТ

СЕМЬ ШАГОВ
К САТАНЕ
ЛИК В БЕЗДНЕ

Вселенная Стивена Кинга

Абрахам Меррит

**Семь шагов к
Сатане. Лик в бездне**

«Издательство АСТ»

1923, 1928

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Меррит А. Г.

Семь шагов к Сатане. Лик в бездне / А. Г. Меррит —
«Издательство АСТ», 1923, 1928 — (Вселенная Стивена Кинга)

ISBN 978-5-17-160617-6

Два романа Абрахама Меррита — классика фэнтези с затерянными мирами и древними тайнами. Абрахам Меррит (1884–1943) — американский писатель и журналист, один из «отцов-основателей» жанра фэнтези. Прижизненная популярность его как автора была настолько велика, что в 1930-х годах состоялись три экранизации его романов. А через несколько лет после смерти Меррита, в конце 40-х годов, была предпринята попытка издать журнал, названный его именем, «Abraham Merritt's Fantasy Magazine», который стал важной вехой в формировании американского фэндома. В произведениях Меррита есть все, что мы успели полюбить в романах Г. Хаггарда, Э. Берроуза, Р. Говарда, — затерянные миры, забытые народы, неведомые существа. В сборник вошли романы «Семь шагов к Сатане» и «Лик в бездне».

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-160617-6

© Меррит А. Г., 1923, 1928
© Издательство АСТ, 1923, 1928

Содержание

Семь шагов к Сатане	6
1	6
2	8
3	14
4	19
5	24
6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Абрахам Меррит

Семь шагов к Сатане. Лик в бездне

© Перевод. А. Грузберг, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Семь шагов к Сатане

1

Часы пробили восемь, когда я вышел из дверей клуба Первооткрывателей и остановился, глядя вниз вдоль Пятой авеню. Остановившись, я вновь со всей силой испытал то неприятное ощущение слезки, которое удивляло и тревожило меня последние две недели. Станный покалывающий холод где-то под кожей с той стороны, откуда следят; какое-то необычное чувство звенящего напряжения. Особая чувствительность, присущая людям, которые большую часть жизни провели в пустыне или джунглях. Возврат к какому-то примитивному шестому чувству: все дикари обладали им, пока не познакомились с напитками белых людей.

Беда в том, что я не мог локализовать это ощущение. Оно накатывалось на меня со всех сторон. Я осмотрел улицу. Три такси стояли у обочины рядом с клубом. Они не заняты, а их водители оживленно разговаривают друг с другом. Не видно никаких зевак. Два стремительных автомобильных потока двигались вверх и вниз по авеню. Я изучил окна противоположного здания. Ни следа наблюдателей.

И все же за мной внимательно следили. Я это знал.

Сознание это приходило ко мне за последние две недели в разных местах. Время от времени я чувствовал присутствие невидимых наблюдателей в музее, куда я пришел взглянуть на юнанийские нефриты: именно я дал возможность старому богачу Рокбилту поместить их здесь, что заметно усилило его репутацию филантропа; чувство это приходило ко мне в театре и во время верховой прогулки по парку; в брокерской конторе, где я следил за тем, как деньги, принесенные мне нефритами, превращаются в ничто в игре, о которой я – приходится это признать – знал меньше чем ничего. Я чувствовал слезку на улицах, но этого следовало ожидать. Но я чувствовал ее и в клубе, а вот этого ожидать было нельзя, и это больше всего меня беспокоило.

Да, я находился под непрерывным наблюдением. Но почему?

Сегодня вечером я решил это узнать.

От прикосновения к плечу я подпрыгнул и сунул руку под пальто, где у меня висел пистолет. И тут же понял, как сильно загадка подействовала мне на нервы. Повернувшись, я чуть глуповато улыбнулся огромному Ларсу Торвальдсену, который всего несколько дней назад вернулся в Нью-Йорк после двухлетнего пребывания в Антарктиде.

– Нервничаешь, Джим? – спросил он. – В чем дело? Заложил за галстук?

– Ничего подобного, Ларс, – ответил я. – Думаю, просто слишком много города. Постоянный шум и движение. И слишком много людей, – добавил я с искренностью, о которой он и не подозревал.

– Боже! – воскликнул он. – А по мне, так это хорошо! Я этим объедаюсь – после двух лет одиночества. Но, наверно, через месяц-два буду испытывать то же самое. Я слышал, ты скоро снова в путь. Куда на этот раз? Обратно в Китай?

Я покачал головой. Не хотелось говорить Ларсу, что направление, в котором я двинусь, целиком определяется тем, что мне подвернется за время, пока я потрачу шестьдесят пять долларов в бумажнике и семь двадцатипятицентовиков и два десятицентовика в кармане.

– У тебя что, неприятности, Джим? – Он более внимательно посмотрел на меня. – Если есть, я был бы рад... помочь.

Я опять покачал головой. Все знали, что старый Рокбилт был необыкновенно щедр из-за этих дьявольских нефритов. У меня своя гордость, и хотя меня потрясло мгновенное исчезновение золотого запаса, который я рассчитывал превратить в барьер перед любыми заботами на всю оставшуюся жизнь, чтобы быть независимым от любых случайностей, я все же не соби-

рался рассказывать Ларсу о своей глупости. К тому же дела вовсе не так безнадежны, и я не бездомный бродяга в Нью-Йорке. Что-нибудь подвернется.

– Подожди меня, – сказал он, когда кто-то окликнул его из клуба.

Но я не стал ждать. Еще меньше, чем о своей неудачной игре, хотелось мне рассказывать ему о моих наблюдателях. Я пошел по улице.

Кто же следит за мной? И зачем? Кто-нибудь из Китая, идет за мной с той самой древней гробницы, где я добыл сокровища? Ки Ванг, конечно, разбойник, хотя и получил хорошее образование в Корнуэлле, не стал бы посылать за мной шпионов. Нашу – скажем так – сделку, хоть и необычную, он считал завершившейся, несмотря на свой проигрыш. Каким бы бесчестным он ни был в картах, это не тот человек, который нарушает свое слово. В этом я уверен. К тому же он не стал бы так долго медлить перед ударом. Нет, это не люди Ки Ванга.

Был также этот липовый арест в Париже, который должен был устранить меня на несколько часов; об этом свидетельствовало состояние комнаты и багажа, когда я вернулся. Вернулся, несомненно, намного раньше, чем предполагали воры, так как быстро раскрыл подлог; свое внезапное появление я, несмотря на болезненный ножевой порез, вспоминал с удовольствием: у одного из моих караульных была сломана шея, а у другого голова мало о чем сможет думать в ближайшие несколько месяцев. Была и вторая попытка: автомобиль, в котором я ехал на пароход, задержали между Парижем и Гавром. Попытка могла бы быть успешной, если бы броши с нефритами не были упакованы в багаж знакомого, который добирался к тому же пароходу на обычном поезде; кстати, он считал, что везет старинную посуду; будто бы я не доверяю ее другим сопровождающим.

Принадлежат ли наблюдатели к той же банде? Они должны знать, что теперь нефриты не у меня, они в безопасности в музее. Я больше не представляю интереса для этих разочарованных господ, если, конечно, они не хотят отомстить. Но это никак не объясняет постоянное, вкрадчивое, терпеливое наблюдение. И почему они не ударили раньше? У них была для этого масса возможностей.

Что ж, кем бы ни были наблюдатели, я решил дать им возможность добраться до меня. Я заплатил по всем счетам. Шестьдесят шесть долларов и девяносто пять центов в кармане составляли все мое земное богатство, но никаких долгов у меня не было. В какой бы неизвестный порт я ни направлялся с обломанным рангоутом и опустошенными палубами, за мной не оставалось невыполненных обещаний.

Да, я решил выманить врага, если это враг, из укрытия. Я даже выбрал место, где это должно произойти.

Во всем Нью-Йорке самое одинокое место в восемь часов октябрьского вечера, впрочем, как и любого другого, то, которое днем наиболеелюдно. Нижняя часть Бродвея, лишившаяся дневных орд, его каньоноподобные стены молчаливы, а пересекающие меньшие каньоны более пусты и тихи, чем их дикие собратья. Именно туда я собрался идти.

Когда я сворачивал на Пятую авеню от клуба Открывателей, мимо прошел человек, чья походка и осанка, фигура и одежда показались мне странно знакомыми.

Я остановился, глядя, как он неторопливо поднимается по ступеням клуба.

Затем, странно обеспокоенный, пошел дальше. Что-то необыкновенно знакомое, пугающее знакомое было в этом человеке. Что это? Направляясь к Бродвею, я продолжал ощущать присутствие наблюдателей.

Но, только дойдя до городской ратуши, понял, что мне показалось таким знакомым. Осознание это вызвало нечто вроде шока.

В походке и осанке, в фигуре и одежде – от легкого коричневого пальто и мягкой серой шляпы до крепкой малаккской трости – этот человек был – мной!

2

Я остановился. Естественней всего предположить, конечно, что сходство случайно; случайность крайне редкая, но все же случайность. В Нью-Йорке не менее пятидесяти человек, которых можно принять за меня – если не приглядываться. Но шансы на то, чтобы похожий на меня человек в данный момент был точно так же одет, почти равны нулю. Однако это возможно. Что еще можно предположить? Зачем кому-то сознательно копировать меня?

Но, с другой стороны, зачем кому-то наблюдать за мной?

Я остановился в нерешительности: не сесть ли в такси и не вернуться ли в клуб? Разум шептал мне, что видел я незнакомца лишь мгновение, что, возможно, меня обманула игра света и тени, что сходство – лишь иллюзия. Выругав свои натянутые нервы, я пошел дальше.

Миновав Кортленд-стрит, я стал встречать все меньше и меньше пешеходов. Церковь Святой Троицы напоминала деревенскую часовню. Молчаливые утесы зданий многочисленных контор окружили меня, я почувствовал удушающее давление: здания как будто спали и во сне раскачивались; их бесчисленные окна походили на ослепшие глаза. Но если они и были слепы, то другие глаза, ни на мгновение не отрывавшиеся от меня, вовсе не были слепы. Их взгляд становился более пристальным, более напряженным.

И вот уже никого вокруг. Ни полицейского, ни даже вахтера. Я знал, что вахтеры сидят внутри огромных каменных крепостей капитала. Я задерживался на углах, давая наблюдателям возможность выйти, невидимому стать видимым. И по-прежнему не видел никого. И по-прежнему чьи-то взгляды не отрывались от меня.

С чувством некоторого разочарования я дошел до конца Бродвея и взглянул на Баттери-парк. Он был безлюден. Я подошел к стене гавани и сел на скамью. Паром, устремившийся к Стейтен-Айленд, напоминал большого золотистого водяного жука. Полная луна проливала поток дрожащего серебряного огня на волны. Было очень тихо – так тихо, что я слышал отдаленный звон колоколов Святой Троицы – прозвонили девять часов.

Я ничего не слышал, но неожиданно понял, что рядом со мной кто-то сидит. Приятный голос попросил прикурить. В огне спички, поднесенной к сигарете, я увидел смуглое аскетическое лицо, гладко выбритое, рот и глаза добрые, причем глаза слегка водянистые, как от напряженной работы. Рука, держащая спичку, длинная, стройная и хорошо ухоженная. Она производила впечатление необычной силы – рука хирурга или скульптора. Несомненно, профессионал, заключил я. Эту мысль подтверждали плащ-накидка и мягкая темная шляпа. Широкие плечи под плащом соответствовали впечатлению необычной физической силы.

– Прекрасная ночь, сэр. – Он отшвырнул спичку. – Ночь приключений. А за нами город, в котором возможны любые приключения.

Я посмотрел на него внимательнее. Странное замечание, особенно если учесть, что я, несомненно, вышел сегодня в поисках приключений. Но что, в конце концов, в этом странного? Может, во мне говорит преувеличенная подозрительность? Он не мог знать, что привело меня в это молчаливое место. Добрые глаза и лицо заставили немедленно отказаться от этой мысли. Какой-нибудь ученый, может быть благодарный парку за его тишину.

– Вон тот паром. – Он указал на гавань, очевидно не подозревая, что я его изучаю. – Сокровище потенциальных приключений. В нем молчаливые Александры, безвестные Цезари и Наполеоны, незавершенные Язоны – и каждый почти готов отвоевать золотое руно, – да, и несовершенство Елены и Клеопатры, и не хватает мелочи, чтобы завершить их и отправить завоевывать мир.

– Какое счастье для мира, что они не завершены, – рассмеялся я. – Сколько времени прошло бы до того, как все эти Цезари, Наполеоны и прочие вцепились бы друг другу в глотки и мир запылал в огне?

– Нисколько, – серьезно ответил он. – Нисколько, если бы они находились под контролем воли и интеллекта большего, чем сумма их воль и интеллектов. Мозг, более мощный, чем все они в совокупности, разум, планирующий за них, воля, более сильная, чем их воли, способная заставить их выполнить эти планы точно так, как их составил грандиозный мозг.

– В результате, сэр, – возразил я, – появятся не суперпираты, суперпреступники и суперкуртизанки, о которых вы говорили, а суперрабы.

– Меньше рабы, чем любые другие в истории, – ответил он. – Персонажи, которых я назвал в качестве типичных, всегда находились под контролем провидения – или Бога, если вы предпочитаете этот термин. Воля и интеллект, о которых я говорю, будут действовать эффективнее, они размещены в человеческом черепе благодаря ошибке слепой судьбы или Бога, который, разумеется, если он существует, должен наблюдать за множеством миров и у него нет возможности слишком внимательно следить за каждым индивидуумом, населяющим эти бесчисленные миры. Нет, мозг, о котором я говорю, будет использовать таланты своих слуг наиболее полно и не тратить их зря. Он будет достойно и справедливо награждать их, а когда накажет – наказание будет справедливым. Он не будет рассеивать тысячи семян по воле случая, так что лишь немногие найдут плодородную почву и прорастут. Он будет отбирать немногих, подбирать им почву и следить, чтобы ничто не мешало им расти.

– Такой мозг был бы больше судьбы или, если вы предпочитаете этот термин, Бога, – сказал я. – Повторяю: это кажется мне сверххрабством. Как хорошо для мира, что такой мозг не существует!

– Да, – он задумчиво затаился, – но, видите ли, он существует.

– Неужели? – Я попытался сообразить, не шутит ли он. – И где же?

– Это вы скоро узнаете... мистер Киркхем, – холодно ответил он.

– Вы меня знаете! – На какое-то мгновение я подумал, что ослышался.

– Очень хорошо, – ответил он. – И тот мозг, в чьем существовании вы сомневаетесь, знает о вас – все, что необходимо знать. Он призывает вас. Идемте, Киркхем, пора!

Вот оно что! Итак, я встретил того, кого искал. Они – кем бы они ни были – наконец выступили в открытую.

– Минутку. – Я чувствовал, как при звуках этого высокомерного голоса, который только что казался мне таким вежливым, во мне просыпается гнев. – Кем или чем бы ни был пославший вас, ни он, ни вы не знаете меня так, как думаете. Позвольте сказать вам, что я не иду никуда, если не знаю, куда иду, и встречаюсь лишь с теми, с кем хочу. Скажите, куда вы хотите меня отвести, к кому и зачем. Тогда я решу, ответить ли мне на то, что вы называли... гм... призывом.

Он спокойно слушал. И вдруг рука его взметнулась и перехватила мое запястье. Я встретился со многими сильными людьми, но такого не встречал. Трость выпала из моей парализованной руки.

– Вам уже сказано все, что необходимо, – холодно ответил он. – Вы идете со мной – немедленно!

Он освободил мою руку, и я, дрожа от гнева, вскочил на ноги.

– Будьте вы прокляты! – воскликнул я. – Я иду, куда хочу и когда хочу... – И наклонился, чтобы поднять трость.

В то же мгновение он обхватил меня руками.

– Вы пойдете туда, куда хочет пославший меня, и тогда, когда он этого хочет, – прошептал мой собеседник.

Я чувствовал, как его руки обшаривают меня. И не мог освободиться, как будто был котенком. Он нашел маленький автоматический пистолет у меня под левой рукой и вытащил его из кобуры. Так же быстро, как схватил, он освободил меня и сделал шаг назад.

– Идем! – приказал он.

Я стоял, глядя на него и обдумывая ситуацию. Никто и никогда не имел возможности усомниться в моей храбрости, но, на мой взгляд, храбрость не имеет ничего общего с безрассудством. Храбрость означает холодное взвешивание всех особенностей чрезвычайного происшествия, определения того, сколько времени в вашем распоряжении, и затем действия в избранном направлении с использованием всех резервов мозга, нервов и мышц. У меня не было ни малейшего сомнения, что у загадочного посыльного поблизости скрывается множество помощников. Если я брошусь на него, что мне это даст? У меня только трость. А у него мой пистолет и, вероятно, собственное оружие. Как бы я ни был силен, он показал мне, что моя сила ничто в сравнении с его. Возможно, он даже рассчитывает на мое нападение, надеется на него.

Разумеется, я могу позвать на помощь или убежать. Оба эти выхода казались мне не только нелепыми, но и – учитывая возможных сообщников – бесполезными.

Недалеко находятся станция подземки и оживленная улица. Там, в ярком свете, я буду в сравнительной безопасности – если смогу туда добраться. Я пошел через парк к Уайтхолл-стрит.

К моему удивлению, незнакомец не возразил, вообще ничего не сказал. Он спокойно шел рядом со мной. Вскоре мы вышли из Баттери, невдалеке виднелись огни станции «Боулинг-Грин». Негодование и гнев мои рассеялись, их место заняла заинтересованность. Абсурдно предполагать, что кого-нибудь в Нью-Йорке можно заставить идти куда-то против его воли, когда рядом множество людей и полиция. Немыслимо быть похищенным вблизи станции метро, а если мы попадем в метро, то вообще невероятно. Почему же мой компаньон так спокойно идет рядом, с каждым шагом приближаясь к месту, где моя позиция становится неприступной?

Ведь несколько минут назад так легко было захватить меня. Или почему нельзя было подойти ко мне в клубе? Существует множество возможностей выманить меня оттуда.

Есть, по-видимому, только один ответ. Им нужна полная тайна. Схватка в парке могла привлечь внимание полиции. Попытка в клубе могла привести к появлению очевидцев происшествия. Насколько все эти рассуждения не соответствовали действительности, мне скоро предстояло узнать.

Когда мы подошли к входу на станцию «Боулинг-Грин», я увидел стоящего полицейского. Без стыда признаюсь, его вид согрел мое сердце.

– Послушайте, – сказал я своему спутнику. – Вон полицейский. Суньте пистолет мне в карман. Оставьте меня и идите своей дорогой. Если вы это сделаете, я ничего не скажу. Если не сделаете, я попрошу полисмента задержать вас. К вам применят закон Салливена, а может, и еще кое-что. Уходите незаметно и, если хотите, свяжитесь со мной в клубе Открывателей. Я все забуду, и мы поговорим. Но больше не пытайтесь действовать силой, не то я выйду из себя.

Он улыбнулся мне, как ребенку, лицо и глаза снова – сама доброта. Но не ушел. Наоборот, крепко взял меня за руку и повел прямо к полицейскому. И когда мы уже были на расстоянии слышимости, заговорил громко:

– Ну, достаточно, Генри. Вы побегали немного. Я уверен, вы не хотите доставлять этому занятому полисмену новые заботы. Давайте, Генри! Будьте разумны!

Полицейский сделал шаг вперед, оглядывая нас с ног до головы. Я не знал, смеяться мне или снова сердиться. Прежде чем я смог сказать слово, человек в накидке протянул полицейскому свою карточку. Тот прочел ее, с уважением коснулся своей фуражки и спросил:

– А в чем дело, доктор?

– Простите за беспокойство, – ответил мой удивительный компаньон. – Но я попрошу вас немного помочь мне. Наш юный друг – один из моих пациентов. Он летчик, военная травма. Повредил голову в крушении во Франции и теперь считает себя Джеймсом Киркхемом, исследователем. На самом деле его зовут Генри Уолтон.

Полицейский с сомнением взглянул на меня. Я улыбнулся, уверенный в своей безопасности.

– Продолжайте, – сказал я. – Что еще я думаю?

– Вообще-то он не опасен, – незнакомец добродушно потрепал меня по плечу, – но время от времени умудряется ускользнуть от нас. Да, безвреден, но весьма изобретателен. Весь вечер убегал от нас. Я разослал своих людей на поиски. И сам нашел его в парке. В таких случаях он считает, что ему угрожает похищение. Будьте добры, выслушайте его и заверьте, что подобные вещи невозможны в Нью-Йорке. Или, если и возможны, похитители не посвящают в свои планы нью-йоркских полицейских, как я.

Я почти восхищался ловкостью его выдумки, юмористической, но терпеливой и вполне профессиональной манерой рассказа. Считая себя в безопасности, я мог позволить себе рассмеяться.

– Совершенно верно, – сказал я. – Но так уж случилось, что меня действительно зовут Джеймс Киркхем. Я никогда не слышал ни о каком Генри Уолтоне. И никогда до сегодняшнего вечера не встречал этого человека. У меня есть все основания считать, что он пытается заставить меня идти туда, куда я не собираюсь.

– Видите! – Мой компаньон многозначительно кивнул полицейскому, который, не отвечая на мою улыбку, смотрел на меня с раздражающей жалостью.

– Не волнуйтесь, – сказал он мне. – Как говорит добрый доктор, похитители не обращаются к полицейским за помощью. Вас не могут похитить в Нью-Йорке, во всяком случае, не так. Идите с доктором и больше не волнуйтесь.

Пора кончать эту абсурдную историю. Я сунул руку в карман, вытащил бумажник и достал оттуда свою карточку. Добавив к ней одно-два письма, я протянул их полисмену.

– Может быть, эти свидетельства заставят вас взглянуть по-другому, – сказал я.

Он взял их, внимательно прочел и с жалостью вернул мне.

– Конечно, парень. – Тон его был успокаивающим. – Никакой опасности нет, говорю вам. Остановить вам такси, доктор?

Я с изумлением посмотрел на него, потом на карточку и конверты, которые он вернул мне. И не веря себе, прочел на них одно и то же.

На карточке было имя «Генри Уолтон», и каждый конверт был адресован тому же джентльмену, «находящемуся под присмотром доктора Майкла Консардайна» по адресу, в котором я узнал район самых высокооплачиваемых нью-йоркских специалистов. Да и бумажник, который я держал в руке, был не тем, с каким я начал вечернюю прогулку не более часа назад.

Я расстегнул пальто и поискал этикетку портного, на которой должно быть мое имя. Никакой этикетки не было.

Неожиданно чувство безопасности меня покинуло. Я начал понимать, что в конце концов возможно заставить меня идти туда, куда я не хочу. Даже на станции нью-йоркской подземки.

– Послушайте, – сказал я, и в голосе моем больше не было смеха, – вы допускаете большую ошибку. Я встретил этого человека несколько минут назад в Баттери-парке. Он настаивал, чтобы я шел с ним, а куда, не говорил, и встретился с человеком, имя которого не назвал. Когда я отказался, он силой обыскал меня, отобрал оружие. Во время этой борьбы, как мне теперь ясно, он подменил мой бумажник другим, в котором карточка и письма с именем Генри Уолтона вместо моего. Я требую, чтобы вы обыскали его и нашли мой бумажник, далее требую – найдете вы или нет – отвести нас с ним в отделение.

Полицейский с сомнением смотрел на меня. Моя искренность и очевидное здравомыслие поразили его. Ни моя внешность, ни манеры не говорили о расстроенном рассудке. С другой стороны, ласковое лицо, добрый взгляд, бросающиеся в глаза воспитанность и профессионализм человека из Баттери совсем не походили в глазах полицейского на качества похитителя.

– Я совершенно не против допроса в отделении, даже не против обыска там, – сказал человек в плаще-накидке. – Но предупреждаю вас, что возбуждение пагубно скажется на состоянии моего пациента. Впрочем... вызывайте такси...

– НЕ такси, – сказал я твердо. – Мы поедем в полицейской машине, в сопровождении полицейских.

– Минутку. – Лицо полицейского прояснилось. – Вон идет сержант. Он решит, что делать. Подошел сержант.

– В чем дело, Муни? – спросил он, оглядывая нас. Муни кратко обрисовал ситуацию. Сержант еще раз, более внимательно осмотрел нас. Я улыбнулся ему весело.

– Все, что я хочу, – сказал я, – чтобы нас отвели в отделение. В патрульной машине. Никакого такси, доктор... как вас там? О, да, доктор Консардайн. Патрульная машина, в ней несколько полицейских и доктор Консардайн рядом со мной – вот все, чего я хочу.

– Хорошо, сержант, – терпеливо сказал доктор Консардайн. – Я согласен идти. Но, как я уже предупредил полицейского Муни, это означает задержку и возбуждение, и вы должны будете нести ответственность за их воздействие на моего пациента; в конце концов, его здоровье – моя главная забота. Я сказал, что он не опасен, но сегодня я отобрал у него – вот это.

И он протянул сержанту автоматический пистолет.

– Под его левой рукой вы найдете кобуру, – сказал Консардайн. – Откровенно говоря, я считаю, что его нужно как можно быстрее доставить ко мне в больницу.

Сержант подошел ко мне и, отведя пальто, пощупал под левой рукой. По его лицу, когда он нащупал кобуру, я понял, что этот раунд выиграл Консардайн.

– У меня есть разрешение на оружие, – резко сказал я.

– Где оно? – спросил он.

– В бумажнике, который этот человек отобрал вместе с пистолетом, – ответил я. – Если вы его обыщите, найдете.

– О, бедный мальчик! Бедный мальчик! – пробормотал Консардайн. И таким искренним было его огорчение, что я сам чуть не почувствовал жалость к себе. Он снова заговорил с сержантом.

– Возможно, мы решим вопрос без риска поездки в отделение. Как вам уже сказал Муни, расстройство сознания моего пациента заключается в том, что он считает себя неким Джеймсом Киркхемом, живущим в клубе Первооткрывателей. Может быть, подлинный мистер Киркхем в данный момент как раз там. Позвоните в клуб Первооткрывателей и попросите его. Если мистер Киркхем там, я думаю, это закончит дело. Если нет, поедем в отделение.

Сержант посмотрел на меня, а я, пораженный, на Консардайна. – Если вы сможете поговорить с Джеймсом Киркхемом в клубе Первооткрывателей, – сказал я наконец, – то я Генри Уолтон.

Мы подошли к телефонной будке. Я дал сержанту номер клуба.

– Спросите Роберта, – добавил я. – Он сегодня портье.

За несколько минут до ухода я говорил с Робертом. Он и сейчас должен дежурить.

– Это Роберт? Портье? – спросил сержант, когда сняли трубку. – Мистер Киркхем в клубе? Говорит сержант полиции Доуни.

Последовала пауза. Сержант взглянул на меня.

– Послали за Киркхемом... – пробормотал он, потом в трубку: – Кто это? Вы мистер Киркхем? Минутку, пожалуйста... дайте мне снова портье. Роберт? Я говорил с Киркхемом? Исследователем Киркхемом? Вы уверены? Хорошо, хорошо! Не горячитесь. Я понимаю, что вы его знаете. Дайте мне его снова. Алло, мистер Киркхем? Нет, все в порядке. Просто... чокнутый. Тут один думает, что он – это вы...

Я выхватил трубку у него из руки, прижал к уху и услышал голос:

– Не в первый раз, бедняга...

Голос был мой собственный!

3

Трубку у меня отобрали, впрочем достаточно мягко. Сержант снова слушал. Муни держал меня за руку, человек в плаще-накидке – за другую. Я слышал, как сержант говорит:

– Да, Уолтон, Генри Уолтон, так его зовут. Простите за беспокойство, мистер Киркхем. До свиданья.

Он повесил трубку и сочувственно посмотрел на меня.

– Какая жалость! – сказал он. – Вызвать скорую, доктор?

– Нет, спасибо, – ответил Консардайн. – Это особый случай. Мания похищения очень сильна. Он будет спокойнее в окружении людей. Мы поедем подземкой. Даже если его нормальная сущность бездействует, подсознание подскажет ему, что невозможно похищение в самой середине толпы в метро. Ну, Генри, – он похлопал меня по руке, – согласитесь с этим. Вы ведь начинаете осознавать реальность, не так ли?

Я вышел из оцепенения. Человек, прошедший мимо меня на Пятой авеню. Человек, который так странно напоминал меня! Как глупо, что я не подумал об этом раньше.

– Подождите! – отчаянно воскликнул я. – В клубе самозванец. Он очень похож на меня. Я его видел...

– Ну, ну, парень. – Сержант положил руку мне на плечо. – Ты ведь дал слово. И сдержишь его, я уверен. Спокойно иди с доктором.

Впервые я почувствовал безнадежность. Сеть, захватившая меня, сплетена с адской изобретательностью. Очевидно, ни одна возможность не была упущена. Я ощутил беспощадное давление. Если кто-то так заинтересован в моем... устранении, уничтожить меня будет легко. Если этот двойник может обмануть портье, знающего меня многие годы, если он без боязни разоблачения общается с моими друзьями в клубе – если он способен на все это, чего же он не сделает в моем обличье и моим именем? Кровь моя застыла. Что это за заговор? Я должен быть устранен, чтобы двойник занял мое место в моем мире на время и совершил злодейство, которое навсегда очернит мою память? Ситуация больше не казалась забавной. Можно было ожидать самого дурного.

Но следующий этап моего подневольного путешествия – подземка. Как сказал Консардайн, ни один человек в здравом рассудке не поверит, что здесь возможно похищение. Тут легче сбежать, найти в толпе человека, который выслушает меня, создать при необходимости такие условия, чтобы мой похититель не смог удержать меня, перехитрить его каким-нибудь образом.

Во всяком случае ничего не остается, как только идти с ним. Дальнейшие обращения к полицейским бессмысленны.

– Идемте... доктор, – спокойно сказал я. Мы спустились в подземку, он продолжал держать меня за руку.

Мы миновали вход на станцию. Поезд уже ждал. Я зашел в последний вагон, Консардайн – следом за мной. Вагон был пуст. Я пошел дальше. Во втором – один или два неприметных пассажира. Но, зайдя в третий вагон, я увидел в его противоположном конце с полдюжины морских пехотинцев во главе с лейтенантом. Пульс мой ускорился. Вот возможность, которую я ищу. Я пошел прямо к ним.

Заходя в вагон, я краем глаза заметил пару, сидящую в углу у двери. Устремившись к морякам, я не обратил на нее внимания.

Но не сделал я и пяти шагов, как услышал вскрик:

– Гарри! О, доктор Консардайн! Вы нашли его!

Я невольно остановился и обернулся. Ко мне бежала девушка. Обняв меня руками за шею, она снова воскликнула:

– Гарри! Гарри, дорогой! Слава богу, он нашел тебя!

Карие глаза – красивее я в жизни не видел – смотрели на меня. Глубокие, нежные, в них жалость, а на краях длинных ресниц повисли слезы. Даже охваченный оцепенением, я заметил тонкую кожу, не тронутую румянами, кудрявые шелковые коротко подстриженные волосы под изящной маленькой шляпкой – волосы теплого бронзового оттенка, слегка вздернутый нос, изысканный рот и миниатюрный заостренный подбородок. Именно такая девушка, которую в других обстоятельствах я предпочел бы встретить; в нынешней же ситуации она подействовала... смущающе.

– Ну, ну, мисс Уолтон! – Голос доктора Консардайна звучал успокаивающе. – С вашим братом теперь все в порядке!

– Довольно, Ева, не суетись. Доктор нашел его; я ведь тебе говорил, что так и будет.

Голос второго человека, сидевшего с девушкой. Примерно моего возраста, исключительно хорошо одет, лицо худое и загорелое, рот и глаза, возможно, говорят о разгульном образе жизни.

– Как вы себя чувствуете, Гарри? – спросил он меня и грубовато добавил: – Ну и задали вы нам сегодня жару!

– Что за беда, Уолтер, – упрекнула его девушка, – если он в безопасности?

Я развел руки девушки и посмотрел на всех троих. Внешне абсолютно то, что они и должны представлять: известный специалист, дорогой и многоопытный, беспокоящийся о непокорном пациенте с помутившимся сознанием; привлекательная обеспокоенная сестра, поглощенная радостью от того, что ее свихнувшийся и сбежавший братец найден; верный друг, возможно, поклонник, слегка выведенный из равновесия, не все же неизменно верный и преданный, довольный тем, что беспокойства его милой кончились, и готовый ударить меня, если я снова поведу себя нехорошо. Так убедительны они были, что на мгновение я усомнился в собственной личности. На самом ли деле я Джим Киркхем? Может, я только читал о нем! Рассудок мой дрогнул от возможности, что я действительно Генри Уолтон, свихнувшийся в катастрофе во Франции.

Со значительным усилием я отверг эту идею. Пара, несомненно, ждала на станции моего появления. Но во имя всех дальновидных дьяволов, как они могли знать, что я появлюсь именно на этой станции и именно в это время?

И тут я вдруг вспомнил одну из странных фраз доктора Консардайна: «Разум, планирующий за них, воля, более сильная, чем их воля, способная заставить их выполнить эти планы точно так, как их составил грандиозный мозг».

Вокруг меня сомкнулась паутина, чьи многочисленные нити держала одна хозяйская рука, и эта рука тащила меня, тащила... непреодолимо... куда... и зачем?

Я повернулся к морякам. Они смотрели на нас с интересом. Лейтенант встал, вот он направился к нам.

– Могу быть вам чем-нибудь полезен, сэр? – спросил он доктора, но глаза его были устремлены на девушку и полны восхищения. И я понял, что не могу рассчитывать на помощь его или его людей. Тем не менее ответил лейтенанту я.

– Можете. Меня зовут Джеймс Киркхем. Я живу в клубе Первооткрывателей. Не думаю, что вы мне поверите, но эти люди похищают меня...

– О Гарри, Гарри! – пробормотала девушка и коснулась глаз нелепым маленьким кусочком кружев.

– Все, о чем я прошу, – продолжал я, – позвоните в клуб Первооткрывателей, когда выйдете из поезда. Спросите Ларса Торвальдсена, расскажите ему о том, что видели, и передайте, что человек в клубе, называющий себя Джеймсом Киркхемом, самозванец. Сделаете?

– О доктор Консардайн! – всхлипнула девушка. – О бедный, бедный брат!

– Не отойдете ли со мной на минутку, лейтенант? – спросил Консардайн. И сказал, обращаясь к человеку, который назвал девушку Евой: – Уолтер, присмотрите за Гарри...

Он взял лейтенанта за руку, и они прошли вперед по вагону.

– Садитесь, Гарри, старина, – предложил Уолтер.

– Пожалуйста, дорогой, – сказала девушка. Держа с обеих сторон за руки, они усадили меня в кресло.

Я не сопротивлялся. Какое-то жестокое удивление, смешанное с восхищением, охватило меня. Я видел, как лейтенант и доктор о чем-то негромко разговаривают, а остальные моряки слушают их разговор. Я знал, что говорит Консардайн: лицо лейтенанта смягчилось, он и его люди поглядывали на меня с жалостью, а на девушку – с сочувствием. Лейтенант задал какой-то вопрос, Консардайн кивнул в знак согласия, и они направились к нам.

– Старина, – успокаивающе заговорил со мной лейтенант, – конечно, я выполню вашу просьбу. Мы выходим у Моста, и я тут же позвоню. Клуб Первооткрывателей, вы сказали?

Все было бы прекрасно, но я знал, что он думает, будто успокаивает сумасшедшего.

Я устало кивнул.

– Расскажите это своей бабушке. Конечно, вы этого не сделаете. Но если каким-то чудесным образом искорка интеллекта осветит ваш разум сегодня вечером или хотя бы завтра, пожалуйста, позвоните, как я просил.

– О Гарри! Пожалуйста, успокойся! – умоляла девушка. Она обратила свой взор, красноречиво благодарный, к лейтенанту. – Я уверена, лейтенант выполнит свое обещание.

– Конечно, выполню, – заверил он меня – и при этом полуподмигнул ей.

Я открыто рассмеялся, не смог сдержаться. Ни у одного моряка, офицера или рядового, сердце не устояло бы перед таким взглядом – таким умоляющим, таким благодарным, таким задумчиво признательным.

– Ну, ладно, лейтенант, – сказал я. – Я вас несколько не виню. Я сам бился об заклад, что невозможно похитить человека в Нью-Йорке на глазах у полицейских. Но я проиграл. Потом я готов был спорить, что нельзя похитить в вагоне метро. И опять проиграл. Тем не менее если вы все-таки будете гадать, сумасшедший я или нет, воспользуйтесь возможностью и позвоните в клуб.

– О брат! – выдохнула Ева и снова заплакала.

Я сел в кресло, ожидая другой возможности. Девушка держала меня за руку, время от времени взглядывая на лейтенанта. Консардайн сел справа от меня. Уолтер – рядом с Евой.

У Бруклинского моста моряки вышли, неоднократно оглядываясь на нас. Я сардонически отсалютовал лейтенанту; девушка послала ему прекрасную благодарную улыбку. Если что-то еще нужно было, чтобы он забыл о моей просьбе, то именно это.

На Мосту в вагон вошло много народа. Я с надеждой смотрел на рассаживавшихся в креслах пассажиров. Но по мере того как я разглядывал их лица, надежда гасла. С печалью я понял, что старик Вандербильт ошибался, сказав: «Проклятая толпа». Нужно было сказать «Тупая толпа».

Здесь была еврейская делегация в полдюжины человек на своем пути домой в Бронкс, запоздавшая стенографистка, которая тут же принялась красить губы, три кроликолицы юных хулигана, итальянка с четырьмя неугомонными детьми, почтенный старый джентльмен, подозрительно глядевший на возню детей, хорошо одетый негр, мужчина средних лет и приятной наружности с женщиной, которая могла бы быть школьной учительницей, две хихикающие девчонки, которые тут же принялись флиртовать с хулиганами, три возможных клерка и примерно с дюжину других неприметных слабоумных. Типичное население вагона нью-йоркской подземки. Взгляд направо и налево привел меня к выводу, что о богатом интеллекте тут говорить не приходится.

Бессмысленно обращаться к этим людям. Мои три охранника намного опережали тут всех в сером веществе и в изобретательности. Они любую мою попытку сделают неудавшейся раньше, чем я кончу. Но все же я должен попытаться, чтобы кто-нибудь позвонил в клуб. У кого-нибудь может быть развито любопытство, и он в конце концов позвонит. Я устремил взгляд на почтенного старого джентльмена – он похож на человека, который не успокоится, пока не выяснит, в чем дело.

И только я собрался открыть рот и заговорить, девушка потрепала меня по руке и наклонилась к человеку в накидке.

– Доктор, – голос ее звучал четко и был слышен по всему вагону, – доктор, Гарри намного лучше. Можно я дам ему – вы знаете что?

– Прекрасная мысль, мисс Уолтон, – ответил тот. – Дайте ему ее.

Девушка сунула руку в свое длинное, спортивного кроя пальто и вытащила небольшой сверток.

– Вот, Гарри. – Она протянула сверток мне. – Вот твой дружок, ему было так одиноко без тебя.

Автоматически я взял сверток и развернул его.

В моих руках была грязная, отвратительная, старая тряпичная кукла.

Я тупо смотрел на нее и начал понимать всю дьявольскую изощренность подготовленной мне ловушки. В самой смехотворности этой куклы был какой-то ужас. И после слов девушки весь вагон смотрел на меня. Я видел, как пожилой джентльмен, как бы не веря своим глазам, смотрел на меня над стеклами очков, видел, как Консардайн поймал его взгляд и многозначительно постучал себя по лбу – и все это видели. Грубый смех негра внезапно стих. Группа евреев застыла и смотрела на меня; стенографистка уронила свою косметичку; итальянские дети очарованно уставились на куклу. Пара средних лет смущенно отвела взгляд.

Я вдруг осознал, что стою, сжимая куклу в руках, как будто боюсь, что у меня ее отберут.

– Дьявол! – выругался я и собрался швырнуть куклу на пол. И понял, что дальнейшее сопротивление, дальнейшая борьба бессмысленны.

Игра против меня фальсифицирована с начала и до конца. Я вполне могу сдаваться. И пойду, как и сказал Консардайн, туда, куда хочет «грандиозный мозг», хочу я того или не хочу. И тогда, когда ему нужно. То есть сейчас.

Что ж, они достаточно долго играли мною. Придется поднять руки, но, садясь обратно, я решил получить маленькое развлечение.

Я сел и сунул куклу в верхний карман пальто, откуда нелепо торчала ее голова. Пожилой джентльмен издавал сочувствующие звуки и понимающе кивал Консардаину. Один из кроликолицых юношей сказал «чокнутый», и девчонки нервно захихикали. Негр торопливо встал и отправился в соседний вагон. Один из итальянских мальчишек заныл, указывая на куклу: «Дай мне».

Я взял руку девушки в свои.

– Ева, дорогая, – сказал я так же громко и отчетливо, как и она, – ты знаешь, я убежал из-за этого Уолтера. Он мне не нравится.

Я обнял ее за талию.

– Уолтер, – склонился я над нею, – человек, который, подобно вам, только что вышел из тюрьмы, где отбывал заслуженное наказание, недостоин моей Евы. Хотя я и сумасшедший, вы знаете, что я прав.

Пожилой джентльмен прервал свое раздражающее причмокивание и вздрогнул. Все остальные в вагоне, подобно ему, перенесли свое внимание на Уолтера. Я почувствовал удовлетворение, видя, как он медленно краснеет.

– Доктор Консардайн, – обратился я к нему, – как медик, вы знакомы с клеймом, я имею в виду признаки прирожденного преступника. Посмотрите на Уолтера. Глаза маленькие и слиш-

ком близко посаженные, рот расслаблен из-за дурных привычек, недоразвитые мочки ушей. Если меня нельзя выпускать на свободу, то его тем более, не правда ли, доктор?

Теперь все в вагоне рассматривали то, на что я указывал, и взвешивали мои слова. И все это было почти правдой. Лицо Уолтера приобрело кирпично-красный цвет. Консардайн невозмутимо смотрел на меня.

– Нет, – продолжал я, – он вовсе тебя не достоин, Ева.

Я тесно прижал к себе девушку. Это мне начинало нравиться – она была чудо как хороша.

– Ева! – воскликнул я. – Мы так долго не виделись, а ты меня даже не поцеловала!

Я приподнял ее подбородок – и – да, поцеловал ее. Поцеловал крепко и совсем не по-братски. Слышал, как негромко выругался Уолтер. Как это воспринял Консардайн, не могу судить. Да мне было и все равно – рот у Евы удивительно сладкий.

Я поцеловал ее снова и снова – под гогот хулиганов, хихиканье девиц и восклицания пришедшего в ужас пожилого джентльмена.

Лицо девушки, покрасневшее при первом поцелуе, теперь побледнело. Она не сопротивлялась, но между поцелуями я слышал ее шепот:

– Вы заплатите за это! О, как вы заплатите!

Я рассмеялся и отпустил ее. Больше я не беспокоился. Пойду за доктором Консардаином, даже если он этого не захочет, – пока она идет с нами.

– Гарри, – его голос прервал мои мысли, – идемте. Вот и наша станция.

Поезд подходил к станции «Четырнадцатая улица». Консардайн встал. Взглядом дал сигнал девушке. Опустив глаза, она взяла меня за руку. Рука ее была ледяной. Продолжая смеяться, я тоже встал. Между девушкой и Консардаином – Уолтер шел за нами – я вышел на платформу и поднялся на улицу. Однажды я оглянулся, и сердце мое согрелось при виде выражения Уолтера.

Во всяком случае это было туше для них двоих – и в их собственной игре.

Шофер в ливрее стоял у подножия ступеней. Он бросил на меня быстрый любопытный взгляд и приветствовал Консардайна.

– Сюда, Киркхем! – коротко сказал тот.

Итак, я снова Киркхем. И что бы это значило? Мощная машина стояла у обочины. Консардайн показал на нее. По-прежнему крепко держа Еву за руку, я сел и увлек ее за собой. Уолтер сел впереди, Консардайн за ним. Шофер закрыл дверцу. В машине был еще один человек в ливрее. Автомобиль двинулся.

Консардайн коснулся рычажка, и окна затянулись занавесом. Нас окружила полутьма.

И как только он это сделал, Ева вырвала у меня руку, ударила меня по губам и, сжавшись в углу, молча заплакала.

4

Машина, дорогая европейская модель, быстро и ровно прошла Пятую авеню и повернула на север. Консардайн тронул другой рычажок, и непрозрачный занавес отделил нас от шофера. Тускло загорелась скрытая лампа. В ее свете я заметил, что девушка восстановила душевное равновесие. Она рассматривала носки своих изящных узких туфель. Уолтер достал портсигар. Я последовал его примеру.

– Не возражаете, Ева? – заботливо спросил я.

Она не посмотрела на меня и не ответила. Уолтер с ледяным выражением уставился куда-то надо мной. Я закурил и сосредоточился на нашем курсе. Часы мои показывали без четверти десять.

Сквозь тщательно закрытые окна ничего не было видно. По остановкам движения я знал, что мы все еще на авеню. Затем машина начала серию поворотов и возвратов, как будто двигалась по боковым улицам. Однажды мне показалось, что она сделала полный круг. Я потерял всякое ощущение направления, что, несомненно, и было целью подобных перемещений.

В десять пятнадцать машина резко увеличила скорость, и я решил, что мы миновали район с напряженным движением. Скоро через вентиляторы донесся порыв свежего прохладного воздуха. Должно быть, мы в Вестчестере или на Лонг-Айленде. Точнее я сказать не мог.

Ровно в одиннадцать двадцать машина остановилась. После короткой паузы мы двинулись дальше. Я слышал за нами звон тяжелых металлических ворот. Минут десять мы двигались очень быстро, потом опять остановились. Консардайн очнулся от раздумья и раскрыл занавеси. Шофер открыл дверцу. Ева вышла, за ней Уолтер.

– Ну, вот мы и на месте, мистер Киркхем, – вежливо сказал Консардайн. Он был похож на гостеприимного хозяина, приведшего домой трижды желанного гостя, а не человека, которого он похитил при помощи возмутительных хитростей и лжи.

Я выпрыгнул из машины. При свете луны, водянистой, как глаза алкоголика, и предвещавшей шторм, я увидел огромное здание, похожее на замок, перенесенный с берегов Луары. В крыльях и башенках здания ярко сверкали огни. Девушка и Уолтер входили в его двери. Я осмотрелся. Нигде, кроме здания, не видно было огней. У меня сложилось впечатление отдаленности и обширного, заросшего деревьями пространства, окружающего это место и гарантирующего его изоляцию.

Консардайн взял меня за руку, и мы миновали вход. По обе его стороны стояли два высоких лакея. Проходя мимо, я решил, что это арабы, оба необыкновенно мощные. Но, оказавшись в большом зале, я остановился и невольно издал восхищенное восклицание. Как будто из лучших сокровищ средневековой Франции было отобрано все самое лучшее и собрано здесь. Длинные галереи, на трети расстояния до высокого сводчатого потолка, были утонченно готическими; гобелены и шпалеры, равными которым могут похвастать немногие музеи, свисали с них, а щиты и мечи были оружием покоренных королей.

Консардайн не дал мне времени рассматривать все это. Он взял меня за руку, и я увидел рядом с собой безукоризненного английского лакея.

– Томас позаботится о вас, – сказал Консардайн. – До скорого свидания, Киркхем.

– Сюда, сэр, – поклонился лакей и провел меня в миниатюрный придел в углу зала. Он нажал на украшенную резьбой стену. Она скользнула в сторону, и мы вошли в маленький лифт. Когда он остановился, сдвинулась другая панель. Я оказался в спальне, обставленной, на свой манер, с такой же удивительной роскошью, что и большой зал. За тяжелым занавесом находилась ванная.

На кровати лежал вечерний костюм, рубашка, галстук и так далее. Через несколько минут я был вымыт, гладко выбрит и одет в вечерний костюм. Он вполне подошел мне. Когда лакей открыл дверь шкафа, мое внимание привлекло висевшее в нем пальто. Я заглянул в шкаф.

В нем находилась точная копия всех вещей, имевшихся в моем гардеробе в клубе. Да, они все были здесь, а когда я взглянул на ярлычки портных, то увидел на них свое имя.

Мне показалось, что лакей, украдкой смотревший на меня, ждет выражения удивления. Если так, я его разочаровал. Моя способность удивляться истощилась.

– Куда теперь? – спросил я.

Вместо ответа он сдвинул панель и ждал, пока я войду в лифт. Когда лифт остановился, я, конечно, ожидал, что мы будем в большом зале. Ничего подобного. За сдвинувшейся панелью оказалась небольшая прихожая, отделанная дубом, без мебели и с одной дверью темного дуба. Возле двери стоял еще один высокий араб, очевидно ожидавший меня, потому что лакей поклонился, вошел обратно в лифт, и панель закрылась.

Араб приветствовал меня по-восточному. Открыв дверь, он повторил приветствие. Я шагнул через порог. Часы начали отбивать полночь.

– Добро пожаловать, Джеймс Киркхем! Вы пунктуальны до минуты, – сказал кто-то.

Голос был удивительно звучным и музыкальным и по своим качествам напоминал орган. Говорящий сидел во главе длинного стола, накрытого на троих. Все это я рассмотрел до того, как взглянул ему в глаза; после я на некоторое время потерял способность видеть что бы то ни было. Глубочайшего сапфирно-голубоватого цвета, это были самые живые глаза, какие мне когда-либо приходилось видеть. Большие, слегка раскосые, они сверкали, как будто за ними скрывался сам источник жизни. Они напоминали жемчужины по яркости, а по твердости – алмазы. Ресниц не было, и глаза не мигали, как глаза птицы – или змеи.

С немалым усилием я оторвал от них взор и посмотрел в лицо, на котором они располагались. Голова необыкновенно большая, с высоким и широким лбом, и абсолютно лысая. Поразительное полушарие, вместимостью вдвое больше среднего. Уши длинные, узкие и отчетливо заостренные на концах. Нос тяжелый, горбатый, подбородок круглый, но массивный. Губы полные, классически выточенные и неподвижные, как у древнегреческой статуи. Все огромное круглое лицо мраморно-бледное, без единой морщинки или линии и абсолютно лишено выражения. Единственное живое место на нем – глаза, и они были удивительно живыми – сверхъестественно, ужасающе живыми.

Тело, та часть, что я мог видеть, необыкновенно большое, мощная грудь указывала на огромную жизненную силу.

При первом же взгляде чувствовалось нечто необычное, радиация нечеловеческой мощи.

– Садитесь, Джеймс Киркхем, – снова прозвучал раскатистый голос. Из тени за его спиной появился дворецкий и выдвинул для меня стул слева.

Я поклонился удивительному хозяину и молча сел.

– Вы, должно быть, голодны после долгой поездки, – сказал он. – Очень мило с вашей стороны, Джеймс Киркхем, что вы оказали мне честь и удовлетворили мой каприз.

Я взглянул на него, но не заметил и следа насмешки.

– Я в долгу у вас, сэр, – вежливо ответил я, – за исключительно интересное путешествие. Что же касается удовлетворения вашего каприза, как вы это называете, как я мог поступить иначе, если ваши посланники так... убедительны?

– А, да, – он кивнул. – Доктор Консардайн действительно умеет убеждать. Он скоро присоединится к нам. Но пейте... ешьте.

Дворецкий налил шампанского. Я поднял стакан и помолчал, с удовольствием глядя на него. Это был кубок из горного хрусталя, удивительно изящный и, насколько я мог судить, исключительно древний – бесценное сокровище.

– Да, – заметил хозяин, как будто я говорил вслух. – Действительно редкость. Это бокалы Гарун аль-Рашида. Когда я пью из них, мне видится калиф в окружении любимых собутыльников и гурий в его дворце в старом Багдаде. Вся роскошная панорама арабских ночей раскрывается передо мной. Их сохранил для меня, – продолжал он задумчиво, – покойный султан Абдул Гамид. Во всяком случае, они принадлежали ему, пока я не почувствовал желания обладать ими.

– Должно быть, сэр, у вас исключительная способность убеждать, если султан решил расстаться с ними, – пробормотал я.

– Как вы заметили, Джеймс Киркхем, мои посланцы весьма... убедительны, – вкрадчиво ответил он.

Я прихлебнул вина и не мог скрыть удовольствия.

– Да, – сказал мой необычный хозяин, – редкое вино. Оно предназначалось исключительно для испанского короля Альфонсо. Но мои посланцы были... убедительны. Когда я пью это вино, мое восхищение его великолепием омрачается только сочувствием Альфонсо в его лишениях.

Я с удовольствием выпил. Потом набросился на великолепную холодную дичь. Мой взгляд упал на золотую вазу, украшенную драгоценными камнями. Она была настолько изящна, что я привстал, чтобы лучше рассмотреть ее.

– Работа Бенвенуто Челлини, – заметил мой хозяин. – Один из его шедевров. Италия в течение столетий хранила его для меня.

– Но Италия добровольно никогда не согласилась бы расстаться с такой вещью! – воскликнул я.

– Нет, совершенно добровольно, совершенно, заверяю вас, – вежливо ответил он.

Я начал разглядывать неярко освещенную комнату и понял, что она, подобно большому залу, тоже сокровищница. Если хотя бы половина того, что я видел, подлинники, содержание одной этой комнаты стоит миллионы. Но этого не может быть – даже американский миллиардер не может собрать такие вещи.

– Это все подлинники. – Он снова прочел мои мысли. – Я коллекционер – в сущности самый крупный в мире. Я собираю не только картины, драгоценности, вина, другие плоды человеческого гения. Я коллекционер мужчин и женщин. Я коллекционирую то, что неточно называют душами. Вот почему, Джеймс Киркхем, вы здесь!

Дворецкий наполнил кубки и поставил рядом со мной еще одну бутылку в ведерке со льдом. На столе появились ликеры и сигары, и дворецкий, как по какому-то сигналу, отошел. Исчез, как с интересом заметил я, через другую панель, скрывавшую еще один замаскированный лифт. Я заметил, что дворецкий – китаец.

– Маньчжур, – обронил мой хозяин. – Княжеского рода. Но считает службу мне большой честью.

Я небрежно кивнул: дело обычное. Как будто дворецкие маньчжурские князья, вина, предназначенные для короля Альфонсо, кубки из арабских ночей калифа и вазы Челлини встречаются повседневно. Я понял, что игра, начавшаяся несколько часов назад в Баттери-парке, достигла своей второй стадии, и намерен был участвовать в ней с наилучшими манерами.

– Вы мне нравитесь, Джеймс Киркхем. – Голос был абсолютно лишен эмоций, губы почти не двигались. – Вы думаете: «Я пленник, мое место в мире занято двойником, даже мои ближайшие друзья не подозревают, что это не я; человек, говорящий со мной, чудовище, безжалостное и бессовестное, бесстрастный интеллект, который может уничтожить меня так же легко, как задувают пламя свечи». Во всем этом, Джеймс Киркхем, вы правы.

Он помолчал. Я решил, что лучше не смотреть в эти алмазно-яркие голубые глаза. Зажег сигарету и кивнул, устремив взгляд на горящий конец.

– Да, вы правы, – продолжал он. – Но вы не задаете вопросов и ни о чем не просите. Голос и руки у вас не дрожат, в глазах нет страха. Вместе с тем мозг ваш не дремлет, вы весь как на цыпочках и хотите ухватить хоть какое-нибудь преимущество. Как житель джунглей, вы невидимыми антеннами своих нервов ощущаете опасность. Каждое чувство ваше настроено, вы ищете щель в опутавшей вас сети. Вы ощущаете ужас. Но внешне в вас нет этого ни следа – только я мог это ощутить. Вы очень нравитесь мне, Джеймс Киркхем. У вас душа настоящего игрока!

Он снова помолчал, глядя на меня через край своего кубка. Я заставил себя встретить его взгляд и улыбнуться.

– Вам тридцать пять, – продолжал он. – Уже много лет я слежу за вами. Впервые вы привлекли мое внимание своей работой на французскую секретную службу на втором году войны.

Пальцы мои невольно стиснули кубок. Я считал, что никто, кроме меня самого и шефа, не знал об этой моей опасной работе.

– Так случилось, что вы не противоречили моим планам, – продолжал лишенный интонаций голос. – Поэтому вы... продолжали жить. Вторично я обратил на вас внимание, когда вы решили вернуть изумруды Спирадова, хранившиеся у коммунистов в Москве. Вы изобретательно подменили их копиями и сбежали с оригиналами. Мне они были не нужны, у меня есть гораздо лучшие. Поэтому я позволил вам вернуться к тем, кто вас нанял. Но смелость вашего плана и хладнокровная храбрость, с которой вы его осуществили, весьма развлекли меня. Я люблю развлечения, Джеймс Киркхем. То, что вы равнодушно восприняли совершенно неадекватную награду, свидетельствовало, что в первую очередь вас интересуют приключения. Вы, как я подумал, настоящий игрок.

Несмотря ни на что, я не смог сдержать изумления. Дело Спирадова осуществлялось в полной тайне. Я настоял на том, чтобы никто, кроме владельца, не знал о возвращении изумрудов. Они были перепроданы как обычные драгоценности, их история не упоминалась... коммунисты до сих пор не обнаружили подмены и не обнаружат, как я считал, пока не захотят их продать. Но этот человек знал!

– Вот тогда я решил, что... приобрету... вас, – сказал он. – Но время для этого еще не созрело. Вы отправились в Китай по просьбе Рокбилта на основании хрупкой легенды. И нашли гробницу, где в соответствии с легендой на превратившейся в прах груди старого принца Су Канзе лежали броши с нефритами. Вы взяли их, но были захвачены разбойником Ки Вангом. Вы нашли брешь в вооружении хитроумного разбойника. Вы увидели единственную возможность сбежать вместе с драгоценностями. Он игрок, и вы это знали. И вот в его палатке вы с ним играли на броши, в случае проигрыша вы заплатили бы ему двумя годами рабства.

Мысль о том, что вы станете его добровольным рабом, позабавила разбойника. К тому же он понимал, какую ценность для него представляли бы ваш мозг и храбрость. Поэтому он согласился. Вы заметили, что он до начала игры искусно пометил карты. Я одобряю ловкость, с которой вы точно так же пометили другие. Ки Ванг перепутал карты. Счастье было на вашей стороне. Вы выиграли.

Ошеломленный, я привстал, глядя на него.

– Не хочу больше интриговать вас. – Он знаком предложил мне снова сесть. – Ки Ванг иногда бывает мне полезен. Во многих местах есть множество людей, Джеймс Киркхем, которые выполняют мои просьбы. Если бы вы проиграли, Ки Ванг прислал бы мне броши и заботился бы о вас больше, чем о собственной голове. Потому что знал: я в любое время могу затребовать вас от него!

Я со вздохом сел, чувствуя, как захлопывается какая-то безжалостная западня.

– Затем, – его взгляд не отрывался от меня, – затем я снова подверг вас испытаниям. Дважды мои посыльные пытались отобрать у вас броши. Сознательно ни в одной из этих попыток я не планировал неизбежный успех. Иначе вы бы потеряли их. В каждом случае я оставлял

выход, которым вы могли воспользоваться, если у вас хватит ума его увидеть. У вас ума хватило – и меня это опять весьма развлекло. И я был доволен.

– Теперь, – он слегка наклонился вперед, – мы подходим к сегодняшнему вечеру. За нефриты вы получили значительную сумму. Но, похоже, игра, которую вы так хорошо знали, переставала вас интересовать. Вы обратили свой взор к другой – глупейшей игре, к фондовой бирже. В мои планы не входило позволить вам там выиграть. Я знал, какие бумаги вы покупаете. И произвел несколько манипуляций. Я не спеша, медленно отобрал у вас все – доллар за долларом. Вы полагаете, что метод, который я применил, больше подходит к крупному финансисту, а не к обладателю нескольких тысяч. Это не так. Если бы вместо тысяч у вас были миллионы, конец был бы тем же. Вы усвоили урок?

Я с усилием подавил вспышку гнева.

– Усвоил, – коротко ответил я.

– Обратите внимание! – прошептал он, и на мгновение его ясность его взгляда потускнела, словно подернувшись дымкой.

– Итак, – продолжал он, – мы подошли к сегодняшнему вечеру. Я легко мог вас захватить и доставить сюда – избитым или одурманенным наркотиками, связанным, с заткнутым ртом. Это методы убийц, лишенных воображения дикарей из наших низов. После такой топорной работы вы не уважали бы стоящий за ней разум. Да и я бы не получил никакого удовольствия.

Нет, постоянное наблюдение, которое наконец вынудило вас к открытым действиям, ваш двойник, сейчас наслаждающийся жизнью в клубе, – кстати, великолепный актер, он несколько недель изучал вас – в сущности, все, что вы испытали, было заранее спланировано, чтобы продемонстрировать вам исключительный характер организации, которая вас призвала.

И снова отмечу, что мне понравилось ваше поведение. Вы могли бы сопротивляться Консардаину. Если бы вы так поступили, то проявили бы отсутствие воображения и подлинной храбрости. Вы все равно были бы доставлены сюда, но я был бы разочарован. И меня весьма позабавило ваше отношение к Уолтеру и Еве – девушке, которую я предназначил для большого дела и которую я к нему сейчас готовлю.

Вас удивило, как они оказались именно на этой станции подземки. Через пять минут после того, как вы сели на скамью в Баттери, на всех окрестных станциях подземки свои места заняли другие пары. Уверяю вас, у вас не было ни одного шанса убежать. Любой ваш поступок был заранее предусмотрен, и были готовы меры, чтобы помешать ему. Вся полиция Нью-Йорка не могла помешать мне сегодня получить вас.

Потому что, Джеймс Киркхем, я позвал вас!

Я слушал эту удивительную смесь тонкой лести, угроз и колоссальной похвалы с усиливающимся изумлением. Наконец я встал.

– Кто вы? – прямо спросил я. – И чего вы от меня хотите?

Сверхъестественно голубые глаза невыносимо сверкнули.

– Поскольку все на земле, к чему я обращаю свои приказания, их выполняет, – медленно ответил он, – вы можете называть меня... Сатаной!

И я предлагаю вам возможность править этим миром вместе со мной – за определенную плату, разумеется!

5

Два последних предложения звенели в моем мозгу, как заряженные электричеством. При других обстоятельствах они показались бы абсурдными, но здесь они были далеки от абсурда.

Эти лишенные ресниц, невероятно живые голубые глаза на неподвижном лице были... дьявольскими! Я уже давно чувствовал прикосновение дьявола ко всему, что происходило со мной этим вечером. В неподвижности огромного тела, в звучности этого органного голоса, лишенного выразительности и исходившего из почти неподвижных губ, – во всем этом была дьявольщина, как будто тело его было всего лишь автоматом, в котором обитал адский дух, какое-то чуждое существо, проявлявшее себя лишь во взгляде и в голосе. То, что мой хозяин был абсолютной противоположностью высокого, долговязого, смуглого Мефистофеля из оперы, пьесы или романа, делало его еще более ужасающим. К тому же я по опыту хорошо знал, что полные люди способны на гораздо большее коварство, чем худые.

Нет, в этом человеке, который просил называть его Сатаной, не было ничего абсурдного. Я должен был в глубине души признаться, что он вызывал ужас.

Мелодично прозвенел колокольчик. На стене вспыхнула лампа, скользнула в сторону панель, и в комнату вошел Консардайн. Я заметил, что панель другая, не та, через которую исчез маньчжур-дворецкий. В то же самое время я сообразил, что в большом зале не было ни одной уходящей лестницы. И тут же понял, что в спальне, куда проводил меня лакей, не было ни окон, ни дверей. Мысль мелькнула в мозгу и ушла, я не придавал ей значения. Обдумаю позже.

Я встал, возвращая Консардаину его поклон. Он без приветствий и церемоний сел справа от Сатаны.

– Я говорил Джеймсу Киркхему, каким занимательным нахожу его, – сказал мой хозяин.

– И я, – улыбнулся Консардайн. – Но боюсь, мои компаньоны не разделяют этого мнения. Кобхем очень расстроился. С вашей стороны это было жестоко, Киркхем. Тщеславие – один из грехов Кобхема.

Итак, фамилия Уолтера – Кобхем. Интересно, а как фамилия Евы?

– Ваша уловка с куклой была... деморализующей, – сказал я. – Считаю, что был скорее сдержан в своих соображениях насчет Кобхема. Знаете, для них было так много возможностей. Да и достаточно поводов.

– Кукла – это отвлекающая идея, – заметил Сатана. – И эффективная притом.

– Дьявольски эффективная. – Я обратился к Консардаину: – Впрочем, этого следовало ожидать. Как раз перед тем как вы вошли, я обнаружил, что ужинаю с... с Сатаной.

– А, да, – холодно подтвердил Консардайн. – Вы, несомненно, ждете, что я вытащу ланцет и вскрыю вам вену, а Сатана положит перед вами документ, написанный серой, и потребует, чтобы вы его подписали собственной кровью.

– Никаких таких детских сказок я от вас не жду, – возразил я, стараясь продемонстрировать некоторое возмущение.

Сатана рассмеялся; лицо его при этом оставалось неподвижным, но глаза дрожали.

– Устаревшие методы, – сказал он. – Я отказался от них после своих встреч с покойным доктором Фаустом.

– Возможно, вы считаете, что я и есть покойный доктор Фауст, – вежливо обратился ко мне Консардайн. – Нет, вовсе нет, и еще, – он лукаво взглянул на меня, – помните: Ева – не Маргарита.

– Скажем, не ваша Маргарита, – поправил Сатана. Я чувствовал, как кровь ударила мне в лицо. И опять Сатана рассмеялся. Они играют со мной, эти двое. Но в игре все время присутствует зловещая нота, это несомненно. Я чувствовал себя как мышь меж двух кошек. И подумал, что девушка тоже очень похожа на такую мышь.

– Да, – это звучный голос Сатаны, – да, я стал гораздо современнее. Я по-прежнему покупаю души, это верно. Или беру их. Но я не так неумолим в своих условиях, как в древности. На определенные периоды я могу сдать души в аренду. И за работу я плачу очень хорошо, Джеймс Киркхем.

– Не пора ли перестать обращаться со мной, как с ребенком? – холодно спросил я. – Я признаю все, что вы сказали обо мне. И верю всему, что вы говорили о себе. Я допускаю, что вы – Сатана. Хорошо. Но что из этого?

Наступила пауза. Консардайн зажег сигару, налил себе бренди и отодвинул в сторону подсвечник, стоявший перед ним; я думаю, он это сделал, чтобы лучше видеть мое лицо. Сатана впервые за все время оторвал свой взгляд от меня и посмотрел куда-то надо мной. Я вступал в третью стадию этой загадочной игры.

– Приходилось ли вам когда-нибудь слышать легенду о сияющих следах Будды-ребенка? – спросил меня Сатана. Я отрицательно покачал головой.

– Именно она побудила меня отказаться от древних методов соблазнения душ, – серьезно продолжал он. – Поскольку она означает начало новой адской эпохи, эта легенда очень важна. Но для вас она важна и по другим причинам. Итак, слушайте.

Когда должен был родиться великий Будда, Гаутама Всезнающий, – нараспев говорил Сатана, – он был как драгоценный камень, горящий огнем во чреве его матери. Он так был полон светом, что тело его матери превратилось в светильник, а он сам был в этом светильнике святым пламенем.

Впервые в голосе Сатаны появилось выражение, нечто вроде сардонической елейности.

– А когда пришло ему время родиться, он вышел из бока матери, который чудесным образом закрылся за ним.

Семь шагов сделал ребенок Будда, прежде чем остановился перед поклонявшимися деви, гениями, риши и всей небесной иерархией, которая собралась вокруг. И остались семь сияющих следов, семь очертаний детских ступней, сверкавших, как звезды, на мягком газоне.

И вот! Когда Будде начали поклоняться, эти семь следов зашевелились, двинулись и пошли в разные стороны, открывая дороги, по которым позже пойдет Святой Будда. Пошли перед ним семь маленьких Иоаннов Крестителей – ха! ха! ха! – Сатана рассмеялся своим неизменяющимся лицом и неподвижными губами.

– Один след пошел на запад, другой – на восток, – продолжал Сатана. – Один на север, другой на юг. Они открывали пути спасения на все четыре стороны света.

Но как же остальные три? Увы! Мара, король иллюзий, с дурными предчувствиями следил за рождением Будды, потому что в свете слов Будды только правда имеет тень и тем самым может быть узнана, и все обманы, при помощи которых Мара держал в своих руках землю, становились бесполезными. Если победит Будда, Мара будет уничтожен. Королю иллюзий эта мысль не нравилась, поскольку больше всего он ценил развлечения, а для этого нужна власть. В этом, – продолжал Сатана, по-видимому, совершенно серьезно, – Мара был очень похож на меня. Но интеллект у него был гораздо слабее: Мара не понимал, что правда, с которой искусно манипулируют, создает лучшие иллюзии, чем ложь. Однако...

Прежде чем эти три увальня смогли уйти далеко, Мара овладел ими!

А затем при помощи лжи, хитрости и колдовства Мара совратил их. Он научил их греховности, воспитал на великолепных обманах – и послал дальше!

Что же произошло дальше? Что ж, естественно, мужчины и женщины шли за этими тремя. И дороги, которые они выбирали, были несравненно приятней, восхитительней, гораздо мягче, ароматнее и прекрасней, чем каменистые, жесткие, суровые, холодные пути, избранные неподкупными четырьмя. Кто же обвинит людей в том, что они шли за тремя? К тому же внешне все семь отпечатков были одинаковы. Различие, разумеется, выяснялось в конце. Души, которые следовали за обманчивыми тремя следами, неизбежно возвращались в самое

сердце обмана, во внутреннюю сущность иллюзий, и там блуждали вечно; те же, что шли за четырьмя, обретали свободу.

И все больше и больше людей шли за порочными отпечатками, а Мара веселился. Пока не стало казаться, что уже не осталось никого, кто шел бы путем Просвещенного. Но Будда рассердился. Он отдал приказ, и четыре святых отпечатка устремились к нему со всех сторон света. Они выследили заблуждавшихся троих и пленили их.

Но тут возникло затруднение. Поскольку три заблуждавшихся были все же следами Будды, их невозможно было уничтожить. У них были свои неотъемлемые права. Но настолько глубоко их растлил Мара, что очистить их от этого зла тоже было невозможно.

И вот они в заключении до конца света. Где-то поблизости от грандиозного храма Боробудур на Яве есть меньший, скрытый храм. И в нем трон. Чтобы добраться до этого трона, нужно подняться по семи ступеням. На каждой ступени сияет один из детских отпечатков Будды. Один неотличим от другого – но как же они на самом деле различны! Четыре из них, святые, охраняют три других, нечестивых. Храм тайный, и путь к нему полон смертельными опасностями. Но тот, кто останется живым и достигнет храма, может подняться к трону.

Но – поднимаясь, он должен поставить ногу на пять из семи сияющих отпечатков!

Послушайте, что произойдет после этого. Если три из пяти отпечатков, на которые он наступил, нечестивые, когда он достигнет трона, все земные желания, все, что может предоставить Король иллюзий, в его распоряжении. Естественно, цена – порабощение, а возможно, и уничтожение его души. Но если из пяти отпечатков три – святые, тогда он свободен от всех земных желаний, неподвластен судьбе, Носитель Света, Сосуд Мудрости – его душа вечно с Пречистым.

Святой или грешник – вступивший на три нечестивых следа обладает всеми земными иллюзиями!

И грешник или святой – если он наступил на три святых отпечатка, он свободен от всех иллюзий, вечно благословенная душа в нирване!

– Бедняга! – пробормотал Консардайн.

– Такова легенда. – Сатана снова оторвал свой взгляд от меня. – Я никогда не пытался отыскать эти интересные следы. Они мне ни к чему. У меня нет желания превращать грешников в святых. Но легенда подала мне такую интересную мысль, какой я не помню... скажем, за много столетий.

Жизнь, Джеймс Киркхем, это долгая игра между двумя безжалостными игроками – рождением и смертью. Все мужчины и все женщины играют в нее, хотя большинство из них плохие игроки. У каждого мужчины и у каждой женщины хотя бы раз возникает желание, за которое они добровольно отдали бы душу – а часто и жизнь. Но жизнь – такая грубая игра, управляемая наудачу, если вообще управляемая, и с такими запутанными, противоречивыми и безвкусными правилами.

Что ж, я усовершенствую эту игру для немногих избранных, буду играть с ними на их величайшие желания – и для собственного развлечения использую в качестве модели эти семь отпечатков ноги Будды.

А теперь, Джеймс Киркхем, слушайте внимательно, потому что дальнейшее касается вас непосредственно. Я соорудил два трона на возвышении, к которым ведут не семь, а двадцать одна ступень. На каждой третьей из них сверкает след – всего таких следов семь.

Один из тронов ниже другого. На нем сижу я. На другом лежат корона и скипетр.

Теперь дальше. Три из этих отпечатков – несчастливые. Четыре – счастливые в высшей степени. Тот, кто играет со мной, поднимается к трону, на котором лежат корона и скипетр. Поднимаясь, он должен поставить ногу на четыре – не пять – из этих семи отпечатков.

Если все четыре отпечатка, на которые он наступит, окажутся счастливыми, любые желания этого человека, пока он живет, исполняются. Я его слуга – и к его услугам вся мощная

организация, которую я создал и которая служит мне. Ему принадлежат мои миллиарды, и он может поступать с ними как хочет. Ему принадлежит все, что он пожелает, – власть, женщины, титулы – все. Тех, кого он ненавидит, я наказываю... или уничтожаю. Ему принадлежат корона и скипетр на троне, который выше моего. В его власти вся земля! Он может – все!

Я взглянул на Консардайна. Тот нервно сгребал и разгибал сильными пальцами серебряный нож, глаза его сверкали.

– А если он наступит на другие?

– А – тут уж моя сторона в игре. Если он наступит на один из моих – он сослужит мне одну службу. Сделает то, о чем я его попрошу. Если наступит на два – будет служить мне год.

Если же наступит на три моих, – я чувствовал, как огонь голубых глаз жжет меня, слышал сдавленный стон Консардайна, – если все три следа мои – тогда он мой, телом и душой. Я могу, если захочу, убить его в любую минуту, и убить так, как захочу. Могу позволить ему жить, если захочу, и столько, сколько захочу, а потом убить, и опять как я захочу. Мой! Душой и телом! Мой!

Раскатистый голос гремел, становился непереносим. Передо мной действительно был Сатана, с этими сверхъестественными глазами, жгущими меня, как будто за ними пылал огонь ада, имя хозяина которого он принял.

– Следует помнить несколько правил, – голос неожиданно вновь стал спокойным. – Не обязательно наступать сразу на четыре ступени. Можно наступить на одну и остановиться. Или на две. На три. Следующий шаг делать не обязательно.

Если вы наступите на один след и он окажется моим, а вы дальше подниматься не будете, вы выполняете мою службу, я хорошо плачу вам за нее, и вы снова можете совершить подъем.

Точно так же, если вы наступили на два моих следа. После года службы – если останетесь в живых – можете снова попытаться счастья. А за этот год вам очень хорошо заплатят.

Я задумался. Власть над всем миром! Исполнение любого желания. Лампа Аладдина – только потри! Ни на мгновение я не усомнился в том, что он – кем бы он ни был – способен выполнить свои обещания.

– Объясню механизм, – продолжал Сатана. – Очевидно, относительное расположение следов не может оставаться постоянным в каждом случае. Их комбинацию легко было бы узнать. Эту комбинацию я предоставляю случаю. Никто не должен ее знать, даже я. Так я получу наивысшее развлечение.

Я сижу на своем троне. И касаюсь рычага, который поворачивает колесо; оно в свою очередь поворачивает семь шаров, три из них помечены как мои, остальные четыре – как счастливые. Когда шары занимают свое место, они вступают в электрический контакт с семью следами. Как лягут шары, так разместятся и следы.

Есть индикатор, я могу его видеть – и другие присутствующие, но не тот, кто поднимается по ступеням. Когда... соискатель... ставит ногу на отпечаток, индикатор показывает, на какой отпечаток он ступил – один из моих трех или один из его четырех.

И еще одно, последнее, правило. Поднимаясь, вы не имеете права оглядываться на индикатор. Следующий шаг вы предпринимаете в неведении, на плохой или хороший след наступили вы перед этим.

Если поддадитесь слабости и оглянетесь, вы должны спуститься и начать подъем заново.

– Мне кажется, у вас преимущество в игре, – заметил я. – Допустим, кто-нибудь ступит на счастливый отпечаток и остановится – что это ему даст?

– Ничего, – ответил он, – только возможность сделать следующий шаг. Вы забываете, Джеймс Киркхем: то, что он может выиграть, неизмеримо больше того, что выигрываю я, если он проиграет. Выигрывая, он получает меня и все, на что я способен. Если же он проигрывает, я получаю всего лишь одного мужчину... или женщину. К тому же я очень хорошо плачу проигравшим за службу. И защищаю их.

Я кивнул. На самом деле я был крайне возбужден. Все, что я испытал, было тщательно рассчитано, чтобы воспламенить мое воображение. Я трепетал при мысли о том, что смогу сделать, если выиграю – допустим, он действительно Сатана – его и всю стоящую за ним силу. Он невозмутимо следил за мной. Консардайн смотрел понимающе, в глазах его была тень жалости.

– Послушайте, – резко сказал я, – проясните мне еще кое-что. Допустим, я откажусь играть в эту вашу игру – что будет со мной?

– Завтра вас вернут в Баттери-парк, – ответил он. – Ваш двойник будет убран из клуба. Вы обнаружите, что никакого вреда вашей репутации он не причинил. Вы можете идти своим путем. Но...

– Я так и думал, что есть но, – пробормотал я.

– Но я буду разочарован, – спокойно продолжал он. – А я не люблю разочарований. Боюсь, ваши дела не будут процветать. Возможно даже, что я сочту вас таким постоянным упреком, таким живым напоминанием об ошибке в моих рассуждениях, что...

– Понимаю, – прервал я. – Живое напоминание однажды перестанет быть... живым.

Он ничего не сказал, но я прочел ответ в его глазах.

– А что помешает мне принять ваш вызов, – снова спросил я, – частично пройти через игру, достаточно, чтобы убраться отсюда, а потом?..

– Предать меня? – Снова смех сквозь неподвижные губы. – Ваши усилия ничего не дадут. А что касается вас – лучше бы для вас, Джеймс Киркхем, вообще не родиться на свет, это я, Сатана, говорю вам!

Голубые глаза сжигали; за креслом, казалось, выросла тень, поглотившая его. Он излучал нечто такое дьявольское, что у меня перехватило дыхание и сердце стало биться с перебоями.

– Я, Сатана, говорю вам! – повторил он. Наступила небольшая пауза; я старался восстановить утраченное равновесие.

Снова прозвенел колокол.

– Пора, – сказал Консардайн. Но я заметил, что он побледнел, и знал, что мое лицо тоже бледно.

– Так случилось, – органичный голос был снова спокоен, – так случилось, что как раз сейчас у вас есть возможность увидеть, что происходит с теми, кто пытается перечить мне. Я попрошу вас принять некоторые меры предосторожности: они необходимы. Но вам они не принесут никакого вреда. Очень важно, чтобы вы ничего не говорили, были неподвижны и чтобы ваше лицо не было видно, когда вы будете смотреть... на то, что вам предстоит увидеть.

Консардайн встал, я за ним. Человек, называвший себя Сатаной, тоже поднялся из кресла. Я догадывался, что он велик ростом, но не ожидал, что он окажется таким гигантом. Я сам ростом шесть футов, но он выше меня по крайней мере на двенадцать дюймов.

Невольно я взглянул ему на ноги.

– А, – учтиво сказал он, – вы ищете мои копыта. Идемте, скоро увидите.

Он коснулся стены. Отодвинулась панель, открыв широкий коридор, недлинный, лишенный окон и дверей. Сатана пошел впереди, Консардайн за мной. Пройдя несколько ярдов, Сатана опять коснулся обшивки стены. Она беззвучно раздвинулась. Он прошел в отверстие.

Я пошел за ним и остановился, тупо глядя на удивительную... комнату, зал... нет, храм – единственное слово, которое передает его размер и характер – повторяю, я стоял, тупо глядя на необыкновенный храм, подобного которому, может быть, не видели глаза человека.

6

Храм был залит неярким янтарным светом из какого-то скрытого источника. Куполообразная крыша возвышалась в сотне футов надо мной. Только одна стена прямая; остальные изогнуты, как внутренности огромного пузыря. Прямая стена представляла собой огромную полусферу.

Стена была сделана из какого-то блестящего зеленого камня, как я решил, вероятно малахита. И на ней была вырезана картина в древнеегипетском стиле.

Картина изображала богинь судьбы: мойр Древней Греции, римских парок, норвежских норн. Тут была Клото с ручной прялкой, на которой она пряла нити человеческой судьбы, Лахезис, правившая эти нити, и Атропос с ножницами, которыми перерезала нити, когда этого хотело трио. А над богинями парило лицо Сатаны.

Одной рукой Сатана держал Клото, другой направлял ножницы Атропос, в то же время он что-то нашептывал на ухо Лахезис. Линии всех четырех фигур были нанесены синим, ярко-зеленым и алым. Глаза Сатаны устремлялись не на нити, чьей судьбой он руководил. Нет, они смотрели прямо в храм.

Кто бы ни был неизвестный гениальный создатель картины, он добился удивительного сходства. Благодаря какому-то приему глаза сверкали на камне с той же жизненной алмазной яркостью, как и глаза человека, называвшего себя Сатаной.

Изогнутые стены были темного дерева – тика или эбенового. На них сверкающие линии, подобные паутине. Я увидел, что это действительно изображение паутины; паучьи сети тянулись по черному дереву и блестели, как серебряные нити под луной. Сотни и тысячи таких нитей пересекали стены. И сходились на потолке.

Пол храма поднимался к задней стенке ряд за рядом вырезанных из черного камня сидений, подобно древнеримскому амфитеатру.

Но все это я заметил потом, когда оторвал взгляд от сооружения, доминировавшего в этом необычном месте. Пролет полукруглых ступеней вздымался вверх постепенно уменьшавшимися арками от основания малахитовой стены. Ступеней было двадцать одна, самая нижняя, как я прикинул, в сто футов длиной, самая высокая – в тридцать футов. Высотой они все были около фута и в три фута шириной. Сделаны из черного как смоль камня.

Эта необыкновенная лестница вела к невысокому помосту, на котором стояли два искусно вырезанных трона – один из черного дерева, а другой – на пьедестале, который делал его заметно выше первого, – очевидно, из тусклого желтого золота.

Черный трон пуст. На спинку золотого трона наброшена полоска пурпурного бархата; на сиденье подушка того же материала.

А на подушке – корона и скипетр. Корона сверкала разноцветными огнями больших бриллиантов, мягким синим пламенем огромных сапфиров, красным сиянием необыкновенных рубинов и зеленым блеском изумрудов. В рукояти скипетра – огромный бриллиант. А весь скипетр, подобно короне, усажен драгоценностями – жемчугами.

По обеим сторонам лестницы стояли по семь человек в белых одеяниях, похожих на арабские бурнусы. Если они и были арабами, то из племени, которое я никогда не встречал; мне они показались скорее персами. Лица у них истощенные и странно бледные. Глаза казались лишенными зрачков. У каждого в правой руке плеть с петлей, похожая на лассо.

На каждой третьей эбеновой ступени сиял отпечаток, след ноги ребенка, очерченный живым огнем.

Их было семь, сверкающих неземной яркостью, как будто они живые и готовы сами подниматься по ступеням.

Вначале я увидел корону и скипетр, и вид их вызвал у меня такое желание, какого я никогда не испытывал раньше: горячая страсть к обладанию ими и всей той властью, которая приходит с ними; эта страсть охватила меня как лихорадка.

Затем я взглянул на сверкающие следы детских ног, и они вызвали такое необъяснимое благоговение, такой ужас и такое отвращение, которые были не меньше желания обладать короной и скипетром.

И тут я услышал голос Сатаны:

– Садитесь, Джеймс Киркхем!

Тут же, у самой стены и рядом с первой ступенькой, оказалось кресло странной формы с ручками. Чем-то оно напоминало нижний трон. Я упал в него, радуясь так необходимой мне поддержке.

И сразу из ручек выскочили стальные полосы и прижали мне руки у локтей; другие полосы обхватили лодыжки, а на голову упала вуаль, закрыв все лицо. Нижний край ее, толстый и мягкий, крепко прижался к губам.

В одно мгновение меня связали, заткнули рот и укрыли лицо. Я понял, что это и были те «предосторожности», о которых предупредил меня хозяин. Полоски держали крепко, но не жали; подушка у губ не вызывала неприятных ощущений; вуаль сделана из материала, который хоть и скрывал мое лицо, но давал возможность видеть так же ясно, как будто ничего не покрывало мою голову.

Я увидел Сатану у основания лестницы. Его огромное тело с ног до головы покрывал черный плащ. Сатана медленно поднимался по ступеням. Когда он ступил на первую, одетые в белое мужчины с плетями низко склонились перед ним. И не распрямились, пока он не сел на черный трон.

Янтарный свет потускнел и совсем погас. После мгновенной тьмы троны и ступени залил яркий белый свет. Освещенное пространство резко обрывалось в трех ярдах от изгиба первой ступени. Сатана, четырнадцать охранников и я были ярко освещены. При этом свете семь следов загорелись еще ярче; они будто натянули невидимую нить, которая не давала им устремиться к хозяину. Немигающие глаза человека на черном троне и его двойника в камне сверкали.

Я услышал негромкий шум, доносившийся от сидений. Множество людей рассаживались, слабо шуршали панели в черных стенах, открывая тайные входы все новым и новым невидимым зрителям.

Кто они, каковы они – я не мог увидеть. Полукруг света, падавшего на ступени и троны, образовал непроницаемый занавес, за которым – абсолютная тьма.

Прозвенел гонг. Наступила тишина. Все двери закрылись; занавес готов был подняться.

Я увидел далеко вверху, на полпути между полом и потолком, шар, напоминавший полную луну. Он был ярко-белым, но тут, пока я смотрел, половина его потемнела. Правая сторона по-прежнему ярко светилась, а левая – черная – теперь была окружена узким кольцом свечения.

Неожиданно свет снова погас. Только мгновение храм находился в темноте. Опять загорелся свет.

Но теперь тот, кто называл себя Сатаной, был на помосте не один. Рядом с ним стояла фигура, которую сам дьявол мог вызвать из ада!

Это был чернокожий нагой, если не считать набедренной повязки, человек; с необыкновенно широкими плечами и длинными руками; на плечах и руках вздувались мускулы, а вены выпирали, как толстые веревки. Лицо с плоским носом, нижняя челюсть выдается, вся внешность напоминает обезьяну. Обезьяноподобными были и близко посаженные маленькие глаза, в которых горел дьявольский свет. Рот был похож на трещину, а на лице написано выражение хищной жестокости.

В руке он держал плетъ с петлей, тонкую, длинную и витую, как будто сплетенную из женских волос. Из набедренной повязки торчал нож.

В темноте за мной послышался вздох, одновременно вылетевший из десятков пересохших ртов.

Снова прозвенел гонг.

В круг света вступили два человека. Один Консардайн; второй – высокий, безупречно одетый и хорошо сложенный мужчина лет сорока. Он походил на культурного английского джентльмена высокого происхождения. И когда он встал перед черным тронм, я услышал гул удивления и жалости скрытой аудитории.

В его позе была галантная беспечность, однако я заметил, как дрогнуло его лицо при виде ужаса, стоящего рядом с Сатаной. Человек достал сигарету из портсигара и закурил; в действиях его видна была выдававшая страх бравада; не мог он сдержать и слабую дрожь руки, державшей спичку. Тем не менее он затянулся и спокойно встретил взгляд Сатаны.

– Картрайт, – голос Сатаны нарушил молчание, – выслушали меня. Вы пытались перечить мне. Вы осмелились противопоставить свою волю моей. Ваше непослушание почти нарушило план, составленный мной. Вы пытались пожать плоды и сбежать от меня. Вы даже задумали предательство. Я не спрашиваю, делали ли вы все это. Я знаю, что это так. И не спрашиваю, почему вы это делали. Вы сделали. Этого довольно.

– Я не собираюсь защищаться, Сатана, – достаточно хладнокровно ответил человек, названный Картрайтом. – Могу, однако, заметить, что неудобство, причиненное вам, целиком ваша вина. Вы утверждаете, что ваша мысль совершенна. Однако вы выбрали плохое орудие. Если орудие, подобранное ремесленником, не выполняет задачу, кого нужно винить: орудие или ремесленника?

– Орудие винить нельзя, – ответил Сатана. – Но что делает ремесленник с таким орудием? Не использует больше. Он его уничтожает.

– Нет, – сказал Картрайт, – хороший ремесленник использует его для работы, которую оно может выполнить.

– Нет, если у него большой выбор хороших орудий, – ответил Сатана.

– Ваша власть, – сказал Картрайт. – Но я вам ответил. Я просто ошибка в ваших рассуждениях. Если же ваши рассуждения безупречны, как вы хвастаете, значит, вы сознательно выбрали меня, чтобы я потерпел неудачу. В любом случае наказывайте себя, Сатана, не меня!

Долгие мгновения одетая в черное фигура смотрела на него. Картрайт смело встретил этот взгляд.

– Прошу только справедливости, – сказал он. – Я не прошу у вас милосердия, Сатана.

– Нет... пока, – ответил Сатана медленно, сверкающие глаза стали холодными и суровыми, и снова вздох донесся до меня из темноты храма.

Наступила еще одна бесконечная минута тишины.

– Картрайт, вы дали ответ, – прогремел органнй голос без всякого выражения. – За этот ответ вы будете вознаграждены. Вы напомнили мне, что мудрый ремесленник использует дурное орудие только для такой работы, которую оно может выполнить не ломаясь. Я дам вам эту работу.

Вот мое решение, Картрайт. Вы наступите на четыре следа. Теперь же. И на все четыре. Прежде всего вы получите шанс выиграть корону, скипетр и земную империю, которую они несут с собой. Если четыре следа, на которые вы наступите, все счастливые.

Если вы наступите на три счастливых следа и на один мой – я прошу вас. Это признание определенной справедливости вашего сравнения с ремесленником и неудачно подобранным орудием.

Я видел, как уменьшилась напряженность Картрайта, тень облегчения прошла по его лицу.

– Если вы наступите на два счастливых и два моих следа, я дам вам выбор: либо быстрая и милосердная смерть, либо присоединение к моим рабам кефта. Короче говоря, Картрайт, вы должны будете выбрать между уничтожением тела и медленным разрушением души. Это милосердие я проявляю к вам в признание истинности ваших слов: ремесленник подбирает для орудия дело, в котором оно принесет пользу.

Снова вздох, лицо Картрайта побледнело.

– Мы подходим к последней возможности – в своем путешествии вверх вы наступаете на троих моих привередливых маленьких слуг. В этом случае, – голос вызывал дрожь, – в этом случае, Картрайт, вы умрете. Вы умрете от рук Санчала, от его плети. Не одной смертью, Картрайт. Нет, тысячью смертей. Медленно и в мучениях петля Санчала будет подтягивать вас к порогу ворот смерти. Медленно и с мучениями он будет возвращать вас к жизни. Снова и снова... и снова... и снова... пока наконец ваша изорванная душа найдет силы не возвращаться и, скуля, переползет через этот порог, и ворота закроются за ней... навсегда! Таково мое решение! Такова моя воля! Да будет по сему!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.